

участія. Неодолимой, необъятной силой отличается демократизмъ этого аристократа. Отъ богатыхъ къ бѣднымъ, отъ хозяина къ работнику, отъ барь къ батракамъ, отъ эffектныхъ изречений Наполеона къ „таё“ Акима, отъ умныхъ и ученыхъ къ Алешѣ Горшку,—этотъ путь своего стихійнаго народничества Толстой проходитъ не изъ гуманности, не вслѣдствіе гражданскихъ либеральныхъ убѣждений, а потому, что онъ—первенецъ Земли, сынъ природы, питомецъ естества. Такой проникновенный демократизмъ можетъ возникнуть только на почвѣ натурализма. Въ глазахъ Толстого сама природа—демократка. Она—работница, рабочая, существо не словъ, а дѣла; вѣчно занятая, не нарядная, старая труженица—это она, въ послѣднемъ счетѣ, объясняетъ пристрастіе великаго писателя къ деревнѣ и деревенщинѣ; это она обвѣваетъ многія его страницы дыханіемъ труда и запечатлѣваетъ на нихъ святую усталость крестьянской рабочей страды; эта она побуждаетъ его, какъ въ „Трехъ смертяхъ“, ставить безсловесное дерево, безропотную ясенку, выше ямщика, ямщика—выше барыни. Чѣмъ ближе мы къ первоистокамъ природы, къ „великимъ матерямъ“ Фауста, къ стихійной безсознательности, тѣмъ болѣе мы правы. Отсюда—всѣ призывы Толстого къ оправданію, все его недовѣrie къ плодамъ просвѣщенія и цивилизаціи; отсюда—простота и правда его созданій. Толстой, это—Адамъ, до того какъ онъ вкусила отъ древа познанія. Толстой помнить